

Ольга Сергеевна Поликарпова

<https://orcid.org/0000-0002-1324-6267>, zhuravlenok_os@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Институт подозрения и начальная стадия уголовного процесса: взаимосвязанные перспективы развития

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о взаимозависимости совершенствования института подозрения и преобразований начальной стадии российского уголовного процесса. Освещается проблема законодательного ограничения срока пребывания лица в процессуальном статусе подозреваемого в случае возбуждения уголовного дела не в отношении него, а по факту совершения преступления и недостаточного объёма доказательств причастности / непричастности такого лица к совершённой уголовно наказуемой деянию на начальном этапе расследования, что зачастую не позволяет избежать необоснованных ограничений конституционных прав и свобод этого участника уголовного судопроизводства. Анализируется соответствующий опыт некоторых государств постсоветского пространства, последовавших по пути кардинального изменения уголовно-процессуальной модели после распада СССР. Сопоставляются положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики, непосредственно касающиеся института подозрения, в том числе момента начала уголовного преследования и длительности пребывания подозреваемого в совершении преступления лица в указанном процессуальном статусе. Приведёнными в статье доводами обосновывается необходимость реформирования исходного момента возникновения процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве и связанная с этим целесообразность упразднения стадии возбуждения уголовного дела в целях повышения гарантии прав и законных интересов лица, введённого в анализируемый нами процессуальный статус.

Ключевые слова: упразднение стадии уголовного судопроизводства; процессуальная модель; институт подозрения; подозреваемый; уголовное преследование.

Для цитирования: Поликарпова О. С. Институт подозрения и начальная стадия уголовного процесса: взаимосвязанные перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 4 (92). – С. 121–131; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-121-131.

Olga S. Polikarpova

<https://orcid.org/0000-0002-1324-6267>, zhuravlenok_os@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The institution of suspicion and the initial stage of the criminal process: interrelated prospects of development

Abstract: The article considers the question of the interdependence of the improvement of the institution of suspicion and the transformation of the initial stage of the Russian criminal process. The article highlights the problem of the legislative limitation of the period of the procedural status of a person as a suspect in the event of a criminal case being initiated not against him, but upon the commission of a crime and insufficient evidence of the involvement/non-involvement of such a person in a criminal offence committed at the initial stage of the investigation, which often does not allow avoiding unreasonable restrictions on the constitutional rights and freedoms of this participant in criminal proceedings. The relevant experience of some post-Soviet states that followed the path of a radical change in the criminal procedure model after the collapse of the USSR is analysed. The article compares the provisions of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic directly related to the institution of suspicion, including the moment of triggering criminal prosecution and the duration of a suspect's keeping the specified procedural status. The arguments given in the article substantiate the need to reform the initial moment of the emergence of the procedural status of a suspect in Russian criminal proceedings and the associated expediency of abolishing the stage of initiation of a criminal case in order to increase the guarantee of the rights and legitimate interests of the person introduced into the procedural status we are analysing.

Keyword: abolition of the stage of criminal proceedings; the procedural model; the institution of suspicion; suspect; criminal prosecution

For citation: Polikarpova O. S. The institution of suspicion and the initial stage of the criminal process: interrelated prospects of development // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 4 (92). – P. 121–131; doi: 10.35750/2071-8284-2021-4-121-131.

Введение

Современный этап развития уголовного процесса постсоветских государств ознаменован реформированием его досудебного производства. В то время когда в Российской Федерации (далее – РФ) широко обсуждается перспектива отказа от стадии возбуждения уголовного дела, в ряде государств – членов Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) эта стадия уже упразднена. В свете данных преобразований, где-то ещё только намечающихся, а где-то уже состоявшихся, отчетливо проступает проблема определения начального момента уголовного процесса, напрямую связанная с институтом подозрения.

Обретая всё большую актуальность, вопрос о взаимосвязи института подозрения – отправной точки уголовно-процессуальной деятельности – и судьбы стадии возбуждения

уголовного дела имеет свою предысторию.

После распада Союза Советских Социалистических Республик вновь образовавшиеся независимые государства некоторое время продолжали осуществлять уголовное судопроизводство в соответствии с требованиями уголовно-процессуальных законов, ранее действовавших на территориях союзных республик, в основе своей повторявших процессуальную модель, закреплённую в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УПК РСФСР)¹. Однако ввиду необходимо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (в ред. от 29 декабря 2001 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 02.02.2021).

сти расширения международных отношений и намерения вступить в международные организации в качестве одной из первоочередных задач рассматривалась разработка и принятие в каждом из независимых государств нового национального законодательства, в том числе и уголовно-процессуального закона.

Процесс разработки и приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международным правом, что являлось обязательным условием членства в международных организациях, проходил с различной для того или иного получившего независимость государства степенью интенсивности. В разработке новых уголовно-процессуальных законов независимых государств, образовавшихся после распада СССР, принимали участие европейские эксперты и преимущественно эксперты уголовно-процессуального права Федеративной Республики Германии². Влияние на развитие уголовно-процессуального законодательства ряда государств постсоветского пространства оказала и Российская Федерация.

Так, в течение нескольких лет в независимых государствах, образовавшихся после распада СССР, были разработаны и приняты новые уголовно-процессуальные законы. Данному процессу предшествовало принятие в 1996 году Модельного уголовно-процессуального кодекса для участников СНГ (далее – Модельный УПК)³, предложенного Межпарламентской ассамблеей СНГ в качестве типового уголовно-процессуального закона, носящего рекомендательный характер. Однако впоследствии проявилось несовершенство ряда предложенных Модельным УПК положений, их несоответствие современным правовым реалиям и потребностям общественной жизни того или иного государства, в том числе недоста-

точность обеспечения гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Применительно к институту подозрения несовершенство правового регулирования проявлялось в противоречивости норм, закреплённых в ст. 95 и 96 Модельного УПК. Так, ст. 96 Модельного УПК, закрепляющая права и обязанности подозреваемого, в качестве первого и, как представляется, наиболее важного права предусматривала право такого лица на защиту его законных интересов, в том числе посредством бесплатной юридической консультации адвоката. Положение ст. 95 того же УПК содержало требование об отмене избранной в отношении подозреваемого меры пресечения по истечении 7 суток с момента ее избрания в случае недостаточности необходимых для предъявления обвинения доказательств, что незамедлительно приводило к утрате процессуального статуса подозреваемого и, как следствие, права лица на защиту в случае необходимости производства следственных действий по уголовному делу с участием такого лица, когда фактически подозрение в отношении него не отпало.

Поэтому в уголовно-процессуальных законах, принятых в ряде государств после обретения независимости, рекомендованные положения не нашли своего отражения, а в большинстве своём сохранилась приверженность ранее действовавшим на территориях союзных республик уголовно-процессуальным законам, ввиду чего цель приведения законодательства в соответствие с международными стандартами не была достигнута, а принятые законы стали именоваться законами переходного периода, требующими совершенствования.

1. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела и совершенствование института подозрения в Кыргызской Республике и Республике Казахстан

В уголовно-процессуальных законах таких вновь образованных независимых государств, как Республика Казахстан и Кыргызская Республика, система стадий досудебного производства была аналогична вышеуказанной уголовно-процессуальной модели. Однако

² Коновалов С. Г. Элементы германской модели судебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Коновалов Сергей Геннадьевич. - Москва, 2018. – С. 77–82.

³ Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Независимых Государств 17 февраля 1996 года) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2566935/> (дата обращения 01.10.2021).

во втором десятилетии XXI века законодательные органы указанных республик на фоне значительных изменений внутригосударственной общественной жизни при поддержке национальных и международных экспертов приняли решение о необходимости совершенствования законодательства и разработке нового уголовно-процессуального закона, основанного на состязательности и равенстве сторон в целях защиты прав личности [7]. Так, с 1 января 2015 г. в Республике Казахстан⁴, а с 1 января 2019 г. в Кыргызской Республике⁵ вступили в законную силу усовершенствованные уголовно-процессуальные законы, основанные, с одной стороны, на элементах германской уголовно-процессуальной модели [12, с. 197–198], а с другой – имеющие сходство с положениями уголовного судопроизводства, известными Российской империи ещё с момента судебной реформы Александра II, закрепленными в Уставе уголовного судопроизводства⁶. В частности, в отличие от предшествующих уголовно-процессуальных законов Республики Казахстан и Кыргызской Республики, при разработке новых законодательством введен институт следственных судей, что, с одной стороны, повторяет одноименный институт вышеупомянутой германской процессуальной модели, а с другой – возрождает систему уголовного судопроизводства 1864 года, поскольку Устав уголовного судопроизводства позиционировал следственного судью как участника уголовного судопроизводства, но с более широким кругом полномочий в сравнении с германской уго-

ловно-процессуальной моделью⁷. Вместе с тем сохранение широкого круга процессуальных полномочий прокурора, с изъятием из ранее ему отведенных только права на рассмотрение вопроса об избрании меры пресечения и продлении срока её применения, ввиду его передачи в полномочия вновь введенного следственного судью, присуще как германской уголовно-процессуальной модели, так и историческому периоду становления уголовного процесса России, поскольку Устав уголовного судопроизводства 1864 года наделил прокурора широким кругом полномочий, в том числе возложив на это должностное лицо как надзорную, так и обвинительную функцию, при этом последняя состояла в функции возбуждения уголовного преследования и «обличения предъ судомъ» [8, с. 230]. Однако наиболее значимым в новых Уголовно-процессуальных законах вышеназванных республик следует признать упразднение стадии возбуждения уголовного дела.

В обоснование значимости отказа от столь привычной нам стадии для процессуального положения лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство ввиду наличия подозрения о его причастности к совершению преступления, уместно рассмотреть порядок досудебного производства по уголовно-процессуальному кодексу Кыргызской Республики (далее – УПК КР) как одному из последних, исключивших стадию возбуждения уголовного дела.

Реформирование уголовно-процессуального законодательства Кыргызской Республики повлекло разделение уголовного судопроизводства на производство по уголовным делам и делам о проступках, с возложением обязанности досудебного производства по делам о проступках на орган дознания. При этом полномочия ранее имевших место среди участников уголовного судопроизводства дознавателя и начальника подразделения дознания были переданы уполномоченному должностному лицу органа дознания и начальнику органа дознания, с закреплением их в ст. 38, 39, 40 УПК КР. В свою очередь, обязанность производства по уголовным делам о преступлениях не была изъята из полномочий следователей различных ведомств, в зависимости от пред-

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 4 сентября 2021 г.) [Электронный ресурс] // Информационный портал «Юрист» (Казахстан). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 01.10.2021).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20, введен в действие с 1 января 2019 г. Законом КР от 24 января 2017 г. № 10 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 июля 2021 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 03.10.2021).

⁶ Устав уголовного судопроизводства принят 20 ноября 1864 года. С. 34–38 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной электронной библиотеки – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003083173/ (дата обращения 08.04.2021).

⁷ Там же. – С. 35–39.

усмотренной УПК КР подследственности. Не могли не упомянуть о таком разделении в данной статье ввиду невозможности отделения уголовно-процессуального закона республики от комплексных законодательных изменений.

Следует отметить, что разграничение деяний на преступления и проступки знакомо учёным-процессуалистам с 1864 года, поскольку было предложено в разделе втором Устава уголовного судопроизводства Александра II⁸.

Преобразование УПК КР положило начало уголовно-процессуальной деятельности не с момента возбуждения уголовного дела, имевшего место в качестве самостоятельной стадии в утратившим силу УПК КР⁹, а с момента автоматической фиксации в Едином реестре преступлений и проступков¹⁰ сообщения о любом совершенном преступлении или проступке либо готовящемся преступлении (глава 20 УПК КР). После этого, осуществляется уголовное преследование по делу в целях установления вины подозреваемого, которым, согласно ч. 1 ст. 44 УПК КР, является лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления или проступка на основании и в порядке ст. 98, 99 УПК КР, либо в отношении которого вынесено уведомление о подозрении в совершении преступления либо проступка в порядке ст. 233 УПК КР, при этом последнее унифицировано, то есть имеет свое распространение на все формы досудебного производства, не ограничиваясь преступлениями, по которым предварительное следствие не обязательно. Обвиняемым же, как по уголовным делам, так и по делам о проступках, согласно ст. 46 УПК КР признаётся только такое лицо, в отношении которого прокурором утверждён обвинительный акт – что существенно отлича-

ет УПК КР от УПК РФ, поскольку по УПК РФ такой порядок надления лица указанным процессуальным статусом свойственен лишь производству предварительного расследования в форме дознания.

Следует обратить внимание, что уведомление о подозрении в соответствии с нормами УПК КР не носит формальный характер, а составляется с учётом требований, схожих с предъявляемыми к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого по УПК РФ, то есть в нём помимо указания должностного лица, ведущего производство по делу и его номера, должны быть отражены обстоятельства совершения преступления или проступка, предварительная юридическая квалификация содеянного и права подозреваемого. С момента вручения такого процессуального документа лицу, в отношении которого имеется обоснованное подозрение о совершении им преступления или проступка, содержащиеся в нём сведения о правовой квалификации деяния, дате и времени уведомления незамедлительно вносятся в Единый реестр преступлений и проступков, и именно с этого момента в отношении подозреваемого наступают правовые последствия, а также предоставляется гарантированная государством юридическая помощь. Процессуальное задержание подозреваемого в соответствии со ст. 98 УПК КР не исключает необходимости вручения ему уведомления о подозрении, но позволяет реализовать право на защиту посредством предоставления юридической помощи гораздо раньше, то есть с момента фактического лишения свободы передвижения лица, что следует из п. 6 ч. 1 ст. 45 и ч. 2 ст. 50 УПК КР. В свою очередь, проверка законности и обоснованности задержания, осуществляемая следственным судьей в порядке ст. 256 УПК КР до истечения срока задержания, выступает дополнительной гарантией защиты прав подозреваемого, обосновывающей допустимость применения к лицу мер пресечения и (или) процессуального принуждения в ходе досудебного производства по делу либо обязывающей реализовать право необоснованно заподозренного на реабилитацию. В случае возникновения новых подозрений в отношении того же лица либо при условии необходимости изменения квали-

⁸ Там же. – С. 34.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 года № 62 (с изменениями и дополнениями на 4 августа 2018 г.) [Электронный ресурс] // Информационный портал «Юрист» (Казахстан). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30241915 (дата обращения: 03.08.2021).

¹⁰ Об утверждении Временного положения о Едином реестре преступлений и проступков: Постановление правительства Кыргызской Республики от 21 декабря 2018 года № 603 (в ред. от 13 августа 2021 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12824?cl=ru-ru> (дата обращения 23.09.2021).

фикации подозрения, согласно ст. 236 УПК КР, на уполномоченное должностное лицо органа дознания либо следователя, с учётом подследственности, возлагается обязанность по вручению подозреваемому нового уведомления о подозрении, что имеет схожие черты с положениями ст. 175 УПК РФ, но только применяемыми в отношении подозреваемого.

Рассматриваемый процессуальный статус утрачивается лишь ввиду прекращения досудебного производства по делу либо в результате утверждения прокурором обвинительного акта, составленного следователем либо уполномоченным должностным лицом органа дознания, то есть независимо от формы досудебного производства по делу.

2. Стадия возбуждения уголовного дела и институт подозрения в российском уголовном процессе

Российская Федерация после распада СССР продолжала осуществлять уголовное судопроизводство в соответствии с УПК РСФСР вплоть до 1 июля 2002 г., пока не был введен в действие УПК РФ¹¹. Он сохранил систему стадий советского уголовного процесса, начинающаяся с возбуждения уголовного дела.

Согласно нормам УПК РФ, при совершении преступления по результатам доследственной проверки принимается решение о возбуждении уголовного дела, и только на второй стадии производства по делу лицо, в отношении которого имеется обоснованное подозрение о причастности к совершению деяния, при наличии одного из предусмотренных ст. 46 УПК РФ оснований приобретает процессуальный статус подозреваемого. Однако сохранение названного статуса, предоставляющего подозреваемому возможность реализации соответствующих процессуальных прав, имеет существенно ограниченный срок. Больше того, и момент возникновения такой возможности отсрочен. Причиной тому выступает как наличие стадии возбуждения уголовного дела, не позволяющей фактически заподозренному

в совершении преступления лицу приобрести процессуальные права до принятия итогового для данной стадии одноименного процессуального решения, так и необходимость выполнения требований УПК РФ в случае избрания меры пресечения в отношении подозреваемого.

Так, исходя из положений ст. 100 УПК РФ, по общему правилу в течение 10 суток с момента избрания меры пресечения в отношении подозреваемого, а при условии задержания последнего – с момента ограничения свободы его передвижения, должно быть предъявлено обвинение, иначе избранная мера пресечения, выступающая одним из оснований приобретения лицом процессуальных прав, направленных на защиту его законных интересов, немедленно отменяется. Исключение составляют лишь составы преступлений, относящиеся преимущественно к преступлениям террористического характера, но и при совершении таких преступлений, срок, в течение которого подозреваемому должно быть предъявлено обвинение, ограничен законодателем до 45 суток. При этом в действующем УПК РФ отсутствует норма, регулирующая правовое положение лица, в отношении которого избиралась мера пресечения и производился допрос в качестве подозреваемого, после истечения вышеуказанного срока в 10 и 45 суток соответственно. В практической деятельности органов предварительного следствия указанное вызывает существенные трудности при определении процессуального статуса лица, подозрения о причастности которого к совершенному преступлению не отпали, но истек предусмотренный УПК РФ срок с момента избрания меры пресечения, являющегося основанием наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, при необходимости производства по уголовному делу следственных действий с участием такого лица.

Таким образом, в целях своевременного приобретения и возможности не ограниченной сроком реализации процессуальных прав, которыми ст. 46 УПК РФ наделяет подозреваемого, нам представляется необходимым совершенствование уголовного судопроизводства России. Полагаем, что процессуальный статус подозреваемого должен быть сохранён до мо-

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 23 сентября 2021 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения 01.10.2021).

мента, когда по уголовному делу будет собрано действительно достаточно доказательств причастности лица к совершению преступления и установлены подлежащие доказыванию обстоятельства, необходимые для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, что не по каждому уголовному делу возможно реализовать за короткий период, не превышающий в общем порядке 10 суток и по исключительным составам преступлений – 45 суток.

Конституционный Суд России в ноябре 2017 г. уделил внимание вопросу процессуального статуса подозреваемого при рассмотрении жалобы гражданина В. В. Ченского на неконституционность положений ст. 38 и 125 УПК РФ¹², указав в Постановлении следующее: «Поскольку же уголовно-процессуальный закон определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым, неопределённость правового статуса этого лица в ситуации фактического уголовного преследования без его юридического оформления и, соответственно, без предоставления прав по защите от него – может сохраняться вплоть до истечения сроков давности уголовного преследования». Изложенная позиция Суда представляется нам необоснованной, поскольку не предусматривается ни одной нормой УПК РФ. Полагаем, что Конституционный Суд РФ вышеизложенным утверждением лишь констатировал факт законодательного пробела и недостаточной регламентации вопроса о процессуальном статусе подозреваемого в части, касающейся порядка его сохранения с целью предоставления подозреваемому возможности реализации предусмотренных УПК РФ прав. Считаем, что изложенный Конституционным Судом РФ вывод сформировался в ходе определения конституционности положений ст. 38 и 125 УПК РФ по жалобе конкретного физического лица исключительно в связи с отсутствием необходимости, ограниченной существом жалобы, обращения должного внимания на

все нормы УПК РФ, затрагивающие институт подозрения.

На диссертационном уровне П. А. Смирновым, С. И. Пономаренко, Х. Г. Дадиевой, Т. В. Вальковой и другими подробно изучался институт подозрения по российскому уголовно-процессуальному законодательству. Но по настоящее время действующие в УПК РФ нормы в части, касающейся данного института, не позволяют избежать существенных процессуальных нарушений, допускаемых в процессе уголовного судопроизводства ввиду недостаточной регламентации вопроса длительности сохранения указанного процессуального статуса лица, подвергнутого уголовному преследованию при расследовании преступлений в форме предварительного следствия. В настоящее время УПК РФ позволяет минимизировать нарушение прав и законных интересов лица, в отношении которого в ходе досудебного производства осуществляется уголовное преследование, только расследованием преступлений в форме дознания, что было достигнуто путём дополнения УПК РФ в 2007 году новой ст. 223¹, именуемой «Уведомление о подозрении в совершении преступления»¹³.

В отличие от УПК РФ, нормы УПК КР не ограничивают срок нахождения лица, подозреваемого в совершении преступления либо проступка, в соответствующем процессуальном статусе. Следовательно, подозреваемый в реализации процессуальных прав не ущемлён, что представляется наиболее гуманным по отношению к этому лицу и полностью соответствует такому принципу уголовного судопроизводства, как «презумпция невиновности», исходя из которого вина лица в совершении преступления устанавливается не иначе как вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Таким образом, законодателю Кыргызской Республики удалось исключить правовые пробелы Уголовно-процессуального закона, имевшие место в период действия предыдущей

¹² По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского : Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 года № 30-П [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283210 (дата обращения 01.10.2021).

¹³ О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12153941/> (дата обращения 01.09.2021). Далее по тексту – Федеральный закон № 90-ФЗ от 6 июня 2007 года.

редакции УПК КР, сходной в соответствующей части с действующей редакцией УПК РФ.

3. Актуальность замены возбуждения уголовного дела на возбуждение уголовного преследования

Потребность в развитии процессуального статуса подозреваемого, совершенствовании его правовой регламентации напрямую связана с вопросом об упразднении стадии возбуждения уголовного дела. Такой вывод нам представляется обоснованным ввиду невозможности полноценного уголовного преследования заподозренного в совершении преступления лица на стадии проверки повода и установления наличия оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Сложность вызвана прежде всего отсутствием законодательно урегулированной возможности наделить лицо, в отношении которого при исследовании обстоятельств совершенного деяния возникли подозрения в причастности к его совершению, в том числе и фактически задержанное, соответствующим процессуальным статусом, позволяющим своевременно предоставить ему право на защиту от такого подозрения, право выбора тактики защиты и отградить от неоправданно длительного ожидания реализации иных процессуальных прав участника уголовного судопроизводства.

Обоснованные доводы в пользу упразднения стадии возбуждения уголовного дела приводят в своих научных трудах авторитетные ученые-процессуалисты А. С. Александров, Б. Я. Гаврилов [1, с. 101–107; 2; 3, с. 141–154] и другие. В частности, Э. К. Кутуев, О. В. Логунов, С. П. Умнов указывают на представленное общественности еще в начале 2013 года рабочей группой экспертов, образованной при МВД России, предложение по реформированию органов внутренних дел с указанием на обоснованную необходимость отказа от института возбуждения уголовного дела¹⁴ [5, с. 9–10]. С такой позицией солидарны также А. С. Каретников и С. А. Коретников, пред-

ставляющие наиболее перспективным для развития уголовного судопроизводства России начало досудебного производства с сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, выступающего в качестве юридического факта, порождающего уголовное дело, а не одного из поводов, необходимого для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела при установлении к тому оснований [4, с. 41–46].

В свою очередь советник Конституционного Суда РФ А. В. Смирнов настаивает на необходимости кардинального пересмотра российского уголовного процесса, а не его совершенствования путём локальных изменений и дополнений, как это происходит с завидной регулярностью с момента принятия УПК РФ. Как отмечено А. В. Смирновым 22 января 2015 г., насчитывается 130 федеральных законов, вносящих изменения в нормы УПК РФ, что, безусловно, указывает на его несовершенство [9]. В продолжение доводов последнего отметим, что к настоящему моменту более 283 федеральных законов, начиная с 1 июля 2002 г., внесли изменения в действующий УПК РФ, однако при этом имеющие непосредственное отношение к институту подозрения нормы УПК РФ не подвергались совершенствованию с июня 2007 года, а внесенные в тот момент Федеральным законом № 90-ФЗ изменения УПК РФ коснулись лишь порядка наделения лица статусом подозреваемого при расследовании преступлений в форме дознания, в связи с чем в правоприменительной практике, особенно по уголовным делам, требующим производства предварительного следствия, препятствия в реализации заподозренным лицом своих процессуальных прав не устранены и даже не сведены к минимуму.

Развивая идею отказа от стадии возбуждения уголовного дела, обратим внимание на правовую позицию Р. В. Мазюка, предложившего внедрить в уголовный процесс России возбуждение уголовного преследования, которое он представляет в виде соответствующего постановления, и его вынесение видит целесообразным во всех случаях возникновения необходимости признания лица подозреваемым [6, с. 124–125]. В случае реализации предло-

¹⁴ Кутуев Э. К., Логунов О. В., Умнов С. П. Совершенствование правового регулирования института возбуждения уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 98–102.

женной идеи подозрение утрачивает взаимосвязь с применением меры пресечения, как это достигнуто в нормах действующей редакции УПК КР, с той лишь разницей, что Р. В. Мазюком предложено постановление о возбуждении уголовного преследования, а ст. 233 УПК КР предусмотрено уведомление о подозрении, но по существу оба варианта имеют схожее содержание.

С учётом изложенного потребность в отходе от необходимости вынесения формального процессуального решения о возбуждении уголовного дела, при условии фактического начала уголовного преследования заподозренного в совершении преступления лица ещё с момента регистрации сообщения о нём, представляется нам весьма очевидной.

Началом уголовного судопроизводства должно являться сообщение о совершённом или готовящемся преступлении, что и выступает таковым в настоящее время в соответствии с положениями УПК РФ, однако наличие стадии возбуждения уголовного дела, требующей проведения проверочных мероприятий и усечённого количества следственных действий для закрепления следов преступления и установления обстоятельств его совершения до вынесения процессуального решения, позволяющего ввести в процессуальную деятельность участников уголовного судопроизводства, не учитывая должностных лиц, выступающих участниками уголовного процесса, неоправданно затягивает реализацию принципа назначения уголовного судопроизводства и разумности сроков его осуществления.

Полагаем, рассматриваемая в данной статье модель уголовного судопроизводства, заложенная в основу УПК КР, существенно сократит сроки досудебного производства, что для УПК РФ весьма значимо ввиду необходимости соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, введенного благодаря своевременной и слаженной работе Верховного Суда РФ и ЕСПЧ по результатам рассмотрения последним дела «Бурдов

против Российской Федерации» и аналогичных ему¹⁵, в ходе которых ЕСПЧ установил правовую коллизию в судопроизводстве РФ, состоящую в отсутствии ограничения сроков судопроизводства. Данная коллизия была устранена посредством дополнения УПК РФ вышеупомянутым принципом¹⁶, что внесло заметный вклад в гуманизацию российского уголовно-процессуального законодательства и призвало к сокращению времени, исчисляемого до рассмотрения уголовного дела судом по существу в целях реализации конституционного права на судебную защиту, в том числе и подвергнутого уголовному преследованию лица.

Заключение

Рассмотренная киргизская модель уголовного судопроизводства по сравнению с сохраняющейся в российском уголовном процессе моделью советского типа, как нам представляется, достигла цели обеспечения единства основания возникновения процессуального статуса подозреваемого. Больше того, путём внедрения института следственных судей и наделения их рациональным объёмом процессуальных полномочий законодателью удалось исключить из УПК КР норму, указывающую на необходимость строгого ограничения 10-суточным сроком применения меры пресечения в отношении подозреваемого. Допускаем, что проведенная в Кыргызской Республике законодательная реформа ещё имеет недостатки и не доведена до логического завершения, но уже сегодня уголовное судопроизводство республики видится нам согласующимся с теорией трёх основных процессуальных функций, в соответствии с которой исходный момент реализации функции уголовного преследования в отношении конкретного лица должен совпадать с исходным моментом реализации функции защиты от него, что предполагает

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=97098#06344001801462635>.

¹⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с изменениями от 8 марта 2015) Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/12175396/> (дата обращения: 22.02.2021).

унификацию основания возникновения процессуального статуса подозреваемого. Представляется, что таким основанием должно быть не что иное, как возбуждение уголовного преследования в отношении конкретного лица (независимо от применения в отношении него мер уголовно-процессуального принуждения, которые, разумеется, при наличии к тому оснований должны применяться параллельно с ним, но не ограничивать нахождение лица в статусе подозреваемого своими сроками действия). Именно эта идея оказалась заложенной в ст. 49 УПК РФ, предусматривающей в числе моментов допуска защитника к участию в уголовном деле такие, как начало осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а также момент, указанный в п. 5 ч. 3 этой статьи, аналогичный включённому ещё в УПК РСФСР с принятием Конституционным Судом в 2000 году решения по делу

Маслова¹⁷. По сути, эти моменты поглощают все остальные моменты допуска защитника к участию в уголовном деле, предусмотренные рассматриваемой статьей, так как являются наиболее ранними из них, но самое главное, они и представляют собой начало реализации функции защиты, а стало быть, хотя уголовно-процессуальный закон РФ прямо этого не предусматривает, появления носителя этой функции – подозреваемого, так как защитник не может участвовать в деле при отсутствии подзащитного.

Таким образом, вышеизложенное приводит к выводу о взаимосвязи института подозрения, сосредотачивающего в себе исходный момент уголовного преследования и начальной стадии уголовного процесса, а, следовательно, и о взаимосвязи перспектив их реформирования российским законодателем. Развитие процессуального статуса подозреваемого, проявляющееся в его привязке не только и не столько к применению в отношении него мер уголовно-процессуального принуждения, как это было в советском уголовном процессе, а к началу фактического осуществления уголовного преследования в отношении него, и связанное с этим переосмысление процессуальной сущности института подозрения нивелируют значение стадии возбуждения уголовного дела, требуя нового подхода к правовой регламентации первой стадии российского уголовного процесса.

¹⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27705 (дата обращения: 22.02.2021).

Список литературы

1. Александров А. С., Грачев С. А. Стадии возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 101–108.
2. Гаврилов Б. Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 2. – С. 35–49.
3. Гаврилов Б. Я. Стадия возбуждения уголовного дела: нужна ли она современному российскому уголовному судопроизводству? // Публичное и частное право. – 2015. – № 4 (28). – С. 141–157.
4. Каретников А. С., Коретников С. А. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела. // Законность. – 2015. – № 1. – С. 41–46.
5. Логунов О. В., Умнов С. П., Кутуев Э. К. О необходимости упразднения современной стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (55). – С. 7–10.
6. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 215 с.

7. Мухаметжанов А. О. Введение нового Уголовно-процессуального кодекса повысит доверие граждан к судебной системе // Юрист (Казахстан). – 2013. – № 11 [Электронный ресурс] // Специализированный ежемесячный журнал «Юрист». – URL: <https://journal.zakon.kz/4597333-vvedenie-novogo-ugolovno-processualnogo.html> (дата обращения: 20.02.2021).

8. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград, 1916. – 245 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национальной электронной библиотеки. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008092773/ (дата обращения: 20.02.2021).

9. Смирнов А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель // Публикация сайта РАПСИ от 22.01.2015 // Российской агентство правовой и судебной информации. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 20.02.2021).

10. Шрёдер Ф.-К. Вклад Уголовно-процессуального кодекса Казахстана в развитие правовой государственности: взгляд со стороны Германии // Казахстанский тренд – от тоталитаризма к демократическому и правовому государству (взгляд со стороны) : сборник статей / отв. ред. И.И. Рогов. – Астана, 2015. – С. 197–198.

References

1. Aleksandrov A. S., Grachev S. A. Stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela: likvidirovat' nel'zya ostavit' // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – № 1 (31). – S. 101–108.

2. Gavrilov B. Ya. Kontseptsiya nachala proizvodstva po ugolovnomu delu: zakonodatel'nyye mify i realii pravoprimereniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. – 2017. – № 2. – S. 35–49.

3. Gavrilov B. Ya. Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela: nuzhna li ona sovremennomu rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu? // Publichnoye i chastnoye pravo. – 2015. – № 4 (28). – S. 141–157.

4. Karetnikov A. S., Koretnikov S. A. Nuzhna li stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela. // Zakonnost'. – 2015. – № 1. – S. 41–46.

5. Logunov O. V., Umnov S. P., Kutuyev E. K. O neobkhodimosti uprazhneniya sovremennoy stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2019. – № 1 (55). – S. 7–10.

6. Mazyuk R. V. Institut ugolovnogogo presledovaniya v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2009. – 215 s.

7. Mukhametzhанov A. O. Vvedeniye novogo Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa povysit doveriye grazhdan k sudebnoy sisteme // Yurist (Kazakhstan). – 2013. – № 11 [Elektronnyy resurs] // Spetsializirovanny yezhemesyachnyy zhurnal «Yurist». – URL: <https://journal.zakon.kz/4597333-vvedenie-novogo-ugolovno-processualnogo.html> (data obrashcheniya: 20.02.2021).

8. Rozin N. N. Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – Petrograd, 1916. – 245 s. [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Natsional'noy elektronnoy biblioteki. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008092773/ (data obrashcheniya: 20.02.2021).

9. Smirnov A. V. Rossiyskiy ugolovnyy protsess: neobkhodima novaya model' // Publikatsiya sayta RAPSI ot 22.01.2015 // Rossiyskoy agentstvo pravovoy i sudebnoy informatsii. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (data obrashcheniya: 20.02.2021).

10. Shroder F.-K. Vklad Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Kazakhstana v razvitiye pravovoy gosudarstvennosti: vzglyad so storony Germanii // Kazakhstanskiy trend – ot totalitarizma k demokraticeskomu i pravovomu gosudarstvu (vzglyad so storony) : sbornik statey / отв. red. I.I. Rogov. – Astana, 2015. – S. 197–198.

Статья поступила в редакцию 09.03.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted March 09, 2021; approved after reviewing October 22, 2021; accepted for publication December 06, 2021.